

Ана Феррейра Амадора. Та, что любит...

текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=166596

Ана Феррейра. Амадора. Та, что любит...: Институт соитологии; СПб.; 2005

ISBN 5-9637-0039-6

Аннотация

Если вы думаете, что Анаис Нин, Генри Миллер и Чарльз Буковски истощили весь запас способов, как мужчины и женщин предаются любви и сексу, то вам нужно познакомиться с Аной Феррейрой. Рядом с ней Нин кажется монахиней, Миллер – монахом, а Буковски – пономарем. Роман «Amadora. Та, что любит...» повествует о том, о чем многие женщины хотели бы поговорить, а многие мужчины – услышать.

Книга предназначена для читателей старше 18 лет.

Содержание

Он	4
Дон-Жуан	8
Желтая папка	14
Пробуждение	18
Дебют!	20
Несчастный случай	22
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Ана Феррейра Амадора. Та, что любит...

Тогда сыны Божии увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их себе в жены, какую кто избрал. И сказал Господь: не вечно духу Моему быть пренебрегаемым человеками; потому что они плоть; пусть будут дни их сто двадцать лет. В то время были на земле исполины, особенно же с того времени, как сыны Божии стали входить к дочерям человеческим, и они стали рождать им. Это сильные, издревле славные люди.

БЫТИЕ VI, 2–4

Он

- Николь Кидман или Деми Мур?
- Что?
- Которую бы ты выбрал?
- Для чего?
- Для ночи любви... или среди дня...
- И я обеим нужен?
- Они с ума по тебе сходят.
- А я должен выбрать одну...
- Кто тебе больше нравится?
- Николь Кидман или Деми Мур?
- Кого из них?
- Николь Кидман.
- Конечно. Жюльетту Бинош или Винону Райдер?
- М-м-м... Жюльетту Бинош.
- Миру Сорвино или Джулию Робертс?
- Миру Сорвино.
- Мадонну или Шерон Стоун?
- Мадонну.
- Кейт Мосс или Гизеллу Бюндхен?
- Кейт Мосс.
- Мне больше нравится Гизелла Бюндхен.
- А мне Кейт Мосс.
- Лаура на нее немножко похожа...
- Ты думаешь?!
- Она так думает...
- Ничего похожего. Тома Круза или Кияну Ривза?
- Ты же отвечаешь!
- Нет, теперь твоя очередь... Тома Круза или Кияну Ривза?
- Ну, ладно...
- Ну так Тома Круза или Кияну Ривза?
- Кияну Ривза.
- Брэда Пита или Джонни Деппа?
- Джонни Деппа.
- Брюса Виллиса или Антонио Бандераса?

- Брюса Виллиса!
- Лени Кравица или Максвелла?
- Обоих.
- Выбери одного.
- Кравица.
- Раи или Эйлера?
- Эйлера я не знаю...
- Эйлер из «Пальм», Сын Ветра – его часто показывают...
- Пожалуй, Раи.
- Майка Тайсона или Холлифилда?
- Майка Тайсона.
- Вуди Алена или Стивена Спилберга?
- Вуди Алена.
- Боба Дилана или Боба Марли?
- Не припомню его лица... Боба Дилана, пожалуй...
- Билла Клинтона или Билла Гейтса?
- Клинтона.
- Принца Чарлза или Фиделя Кастро?
- Ни того, ни другого.
- Выбери одного, а то оба тебя изнасилуют.
- Тогда Фиделя...
- Малуфа или Саплиси?
- Конечно, Саплиси.
- Тони Рамоса или Веру Фишер?
- Веру Фишер.
- Анжела!!
- Ты спросил – я и ответила...
- Улисса или Флавиу?
- Друг не считается.
- Считается. Так Улисса или Флавиу?
- Может, назовешь кого получше?
- Получше?! Алешандри?..
- Да он же не просыхает!
- А Андре?
- Ничтожество! Надоел он мне...
- Зря ты так думаешь. Алешандри или Андре?
- Тебя.
- Он притворяется, что не расслышал. Рисует звезду на обложке блокнотика...
- Кроме Лауры, кого ты еще любил?
- А что?..
- Интересно!
- Я любил только тебя.
- Врун. Расскажи о своей первой любви...
- Я уже рассказывал.
- Тогда о второй...
- Не помню.
- Которую ты соблазнил...
- Ни в коем случае.
- Обожаю, когда рассказывают, как соблазняют.

- Тогда почитай книжку или сходи в кино...
- Я же тебе рассказываю про всех, кто у меня был...
- Он смотрит на дверь, скрестив руки.
- Я знаю достаточно, больше ничего не хочу знать. Это меня не возбуждает.
- Не похоже. Вон что у тебя в штанах...
- Да, встал.
- Был у меня один любовник, который дарил мне только такие подарки, которые действуют на воображение...
- Очень интересно!
- Я умирала от возбуждения, представляя других женщин с ним...
- Пощади меня, я не хочу этого знать.
- Я тебя обожаю!
- А я тебя...
- Последний, кто у меня был до тебя – самая большая моя ошибка. Но с ним было хорошо... Сказать, как его зовут?
- Как хочешь.
- Я никак не хочу.
- Вот это меня и бесит.
- Он идет к двери. Потом возвращается. Обхватывает мне лицо ладонями и впивается долгим поцелуем, не сомневаясь, что от постели нас отделяют всего несколько шагов. Я продолжаю.
- Мне ужасно хочется знать о тебе все-все – каждую секунду твоей жизни.
- Лучше пользоваться мгновением – в нем так всего много...
- Он сгребает меня в объятия, сжимает так, что не вырваться, и трется о мое тело.
- Не скажу, как его зовут.
- Лучше скажи, а то я совсем дураком себя чувствую. Кто же этот подонок, с которым ты была в последний раз?
- Ты его знаешь.
- Ну, говори!
- Андре!
- Черт! Ты была с Андре?
- Это же было до тебя. И все было нормально.
- Нормально?!
- Ну да, это же до тебя было...
- Ладно, извини.
- Он встает и смотрится в зеркало.
- Когда?
- Недели две назад.
- Черт!!
- Он сует руки в карманы брюк.
- Ладно... Кто еще?!
- Никого, успокойся.
- Нет, говори! И пошли их всех подальше, чтобы я успокоился.
- Любовь проходит... Это же глупо.
- Любовь?! Так ты любила Андре?
- Любила, страдала, потом перестала.
- Хватит.
- Он садится на кровать и снимает с меня блузку, лижет мне соски...
- Одних я хорошо помню, других не очень, некоторых забыла...

- Не хочу этого знать.
 - Некоторых помню по запаху, по вкусу...
 - Перестань.
- Он снимает с меня трусики.

Дон-Жуан

Я умею говорить только о любви.

Проснувшись, я услышала незнакомую мне прежде музыку. Не знаю, взаправду это была музыка или это было во сне. Сна я не помню, но проснулась я влюбленной... это была музыка любви, и *он* появляется под белым потолком моей спальни. Он прикасается ко мне. Дон-Жуан в поисках идеальной женщины, и она – это я.

Между соблазнителями и бабниками большая разница. На этот счет у меня теория – я собираюсь писать об этом диссертацию. Бабник хочет обладать всеми – соблазнитель хочет встретить любовь. Бабнику важно количество – соблазнителю качество. Соблазнитель – романтик, а бабник – просто подонок. Соблазнитель по-настоящему глубок... Дон-Жуан – это соблазнитель. Буду звать его Дон-Жуаном. Он всегда приносил розу, похищенную из вазы у матери или с работы... я никогда не спрашивала, откуда розы, но знала, что они краденые. Перед тем, как заняться сексом – обязательно запоминающаяся прогулка. Он непременно хотел, чтобы она запомнилась – да, так оно и бывало... Когда мы в первый раз были близки, на мне были голубые трусики. Я и не думала, какие надеть – голубые, черные, белые... Эти простые, уже не новые голубые трусики, которые я стащила у Вероники, ему страшно понравились.

– Ты такая красивая в одних голубых трусиках...

– У меня есть и других цветов.

– Но без трусиков лучше.

– Ладно...

Я их сняла, и он приник ко мне губами и языком. Мне было мучительно сладостно, и я умоляла, чтобы он вошел в меня.

– Я хочу...

– Спокойно...

– Пожалуйста!

– Подожди немножко...

– Я хочу сейчас!

Мне казалось, что я умираю от наслаждения, и если бы он этого не сделал, настал бы мне конец. Он вошел в меня спокойно, целиком, до самого конца. Так разворачивалась наша эротическая симфония... *Andante, allegro moderato*, потом адский галоп...

Мне все время кажется, что я слишком много говорю.

Точно не припомню, когда мы увиделись впервые. Он говорит, что в Страстную пятницу в ресторане неподалеку от радио. Я работала ведущей на радио и каких только передач не вела: как оставаться красивой, мода, гороскопы, а еще в моих программах читались любовные истории, присланные слушателями. Они пользовались успехом, сюжет у них был цветистый, а девица, которая их читала без особого выражения, была какая-то странная, зато обладала очень чувственным голосом. Эта передача, которая называлась «Солнце в зените», была самой продолжительной и выходила в эфир с понедельника по пятницу от полудня до двух часов. Платили прилично.

Я предпочитала обедать после передачи, когда ничто не отвлекало и не беспокоило. Очень уютно было в полуфранцузском-полуитальянском ресторане рядом с радио, где подавали отличные салаты. Когда я приходила, он уже уходил. По крайней мере, пару раз мы встречались, когда я приступала к закуске, а он доедал десерт. То он сидел в одиночестве, то со стриженной брюнеткой, то с блондинкой, от которой несло духами, то с каким-то парнем с эспаньолкой. Я тоже бывала в различных компаниях – Лурдинья, Андре, Эужения, Висенте... Мне всегда безумно хотелось продолжить беседу, завязавшуюся в коридорах радио – только

не в этот день. Он тоже сидел один, а вместо тарелки перед ним лежала большая раскрытая книга.

Я сижу за своим столом у окна, он поднимает глаза и просит счет у того же официанта, который принял у меня заказ, и снова смотрит в книгу. Какой красивый... Будь здесь Лурдинья – наверняка решила бы, что он бабник... Я-то знала, что это соблазнитель. Дон-Жуан. Он смотрел на женщин – они ему явно нравились, – но со мною он был не таким, потому что и я не такая, как они.

Тропической зной. Кондиционера в ресторане не было. Вентиляторы колыхали ска-терти на двух столах, в том числе на том, где сидел он – и я увидела, что на нем бермуды. Какие коленки! Они мне безумно понравились... Мне и в голову не приходило, что от пары коленок может так подняться кровяное давление. Я решила переключиться на книгу. Попыталась разобрать заглавие, но тут он захлопнул книгу, не заложив страницы. Я увидела, что это «Божественная комедия». У меня дома была эта книга и даже, судя по обложке, то же издание. Мне принесли еду, а ему счет. Он заполняет чек, но не трогается с места. Я начинаю есть, а он не трогается с места. Мне хочется посмотреть на него, но я ограничиваюсь картиной на стене. Надо сказать, что изображала она склонившуюся над книгой Франческу, которую вот-вот одарит запретным поцелуем ее деверь Паоло... Всякий раз, когда я хоть на долю секунды задерживала взгляд на этой картине, мне вспоминались двое братьев, которых я любила. Николау и Никодемуса. Особенно Никодемуса. А он все сидит на месте.

В «Божественной комедии» Данте встречается с Франческой в аду.

Ясное дело! Он ищет повода познакомиться и наверняка заговорит о картине или о книге... Боковым зрением замечаю, что он смотрит на меня, и скольжу взглядом по стенам, по людям, по столам и стульям, по двери, по его коленкам и по нему самому. Отвожу взгляд, Боже мой! Он созерцал мой обед, словно картину. «Франческа да Римини» – копия с картины Уильяма Дайса – справа от меня. Жую, а он умоляюще глядит на меня... Я допила кока-колу и решила сделать встречный шаг – так ведь обычно поступают. Беру книгу, притворяюсь, что читаю, делаю бессмысленные пометки – а он сидит, как сидел. Набираюсь смелости и пристально смотрю на него. Он глядит на меня со смущенной улыбкой... Наконец поднимается. Я облегченно вздыхаю.

– Можно присесть?

– Можно, если объяснишь, почему ты на меня так смотрел...

– Хотелось познакомиться. Извини...

– Я думала, ты меня с кем-то спутал.

– Ни в коем случае. Тебя ни с кем не путаешь.

Его коленки тоже не путаешь. Я помолчала, он тоже.

– Я все время тебя тут вижу. Знаю, что ты работаешь на радио, и слушаю твои передачи за обедом. И все их слушают.

– Да знаю, у меня есть постоянные слушатели.

– Хорошая передача. Умная, с юмором... Я тоже сделаю заявку на любовную историю.

– Можешь вручить прямо мне.

– Нет, я как-нибудь по почте...

Какой формализм! Он встает и протягивает мне руку.

– Очень приятно с тобой познакомиться.

– Мне тоже.

Я в последний раз гляжу на его коленки. Он берет книгу и уходит.

«Божественная комедия». Раза три или четыре я ее искала, да так и не нашла. Я была уверена, что у меня дома есть эта книга. Сколько раз я ее листала, перечитывала отрывки из «Ада»... Встреча Данте с Франческой, которая осуждена за любовь... Николау и Никодемус. Я ощущала себя немножко Франческой, когда любила обоих братьев. «Когда-нибудь я все-

все расскажу Дон-Жуану», – думала я, пока искала книгу. Да, я любила обоих. Изменила я Николау. Никодемус был как Паоло. У меня уже был Ромео, Джеймс Бонд, Че Гевара, Кунг-фу, Дон-Жуан... «Божественная комедия». Ее не было ни у матери, ни у братьев. Я подумала, не позвонить ли друзьям, которым давала книги, но решила, что это не дело. Кто брал книги, должен возвращать их без напоминания. Люди не ангелы, да и ангелы, наверное, не без слабостей... Я заметила несколько чужих книг на моих полках... Да ладно: пара коленок – это всего лишь пара коленок.

Дон-Жуан необыкновенно изящно вошел в мою жизнь. Осмотрительный молодой человек – не из тех, кто действует нахрапом. Он был безупречен с моими сослуживцами, обсуждал с ними передачи, задавал вопросы, чтобы произвести на меня впечатление, и больше ни разу не появился ни со стриженной брюнеткой, ни с надушенной блондинкой. Лурдинья изменила бы свое суждение о нем – выходило, что он не бабник, а *очень интересный молодой человек*... Я была очарована, особенно после того, как он поиграл на фортепьяно в ресторане. Музыка любви... Он разжег мое воображение, а потом исчез. Прошел месяц. Я спрашиваю официанта. «Он все разъезжает...» Вот, оказывается, почему его нет. «Он забыл книгу на фортепьяно». Официант словоохотлив. Есть за что зацепиться. Просто ли так он оставил книгу?.. Ясно! Я попросила знакомого официанта принести книгу. Конечно... Это моя книга! Книга моей матери!

Ноги у меня подкосились. Я села. На фронтисписе – пятиконечная звездочка, которой моя мать помечала все свои книги – ее экслибрис. Полистала страницы. На сто девятнадцатой – сиреневая закладка, на триста пятьдесят седьмой – визитная карточка его отца: *Мигел Фонсека*. Откуда у него моя книга? Какой подлец ему дал ее? Я взяла под руку официанта и сказала, что это очень ценная книга и что дома она будет сохраннее. Он согласился без разговоров. Постоянный слушатель!

Целый день я размышляла. Может быть, он шел за мной и проник ко мне в квартиру... Замки-то у нас ни к черту не годятся... Может, он вошел под видом разносчика пиццы, водопроводчика, электрика, что-нибудь в этом роде... Может, подсматривал за мной в щелку, дурачок. Подслушивал, как я говорю сама с собой, смотрел, как я сплю... А сплю я всегда голая... А может, он приходил на какой-нибудь праздник?.. Не может быть – я бы его заметила. Наверное, я кому-то дала эту книгу, а тот дал ему... Нет... Может, я где-то ее забыла, а кто-то нашел, продал букинисту, а он купил... Чего только я не передумала! Настолько мне это было любопытно, что я целые часы проводила в бдениях. Наконец, потребовала назад книги, которые давала сто лет назад – и ни у одного из моих друзей «Божественной комедии» не оказалось. Это могла быть только моя книга. Вернее, моей матери. Я стала ждать. Дон-Жуан вернется и раскроет тайну.

Он казался мне таким знакомым, таким похожим на кого-то... У него даже был вид какой-то знаменитости. И так хотелось опять увидеть его коленки...

Две ассистентки помогали мне подбирать любовные истории. Почти полтора ста писем в день – и такие нелепые, что дальше некуда. В первую очередь ассистентки прочитывали те письма, которые отличались разборчивым почерком и непристойным содержанием, но я настаивала, чтобы они читали все подряд... То, что долгие годы я расшифровывала написанные в темноте записки матери, где она описывала свои сны, научило меня разбирать все, вплоть до врачебных рецептов, и поэтому иногда я выявляла перлы, пропущенные ассистентками.

Я созерцаю две кучи писем у меня на столе. Решаю, что начать надо с прочитанных. Нахожу несколько любопытных историй, потом еще две, которые привлекли мое внимание одинаковым почерком и одинаковым началом.

«Наверное, они знали друг друга в иной жизни, если таковая существовала. Вновь узнали они друг друга. Они условились, что он встретит ее в Страстную пятницу. Когда она вошла в этот небольшой ресторан, он понял, что получает наивысший дар в своей жизни – любимую...»

Среди выбранных писем мне попадает еще одно, уже третье, написанное тою же рукой и начинающееся точно так же. Ассистентки уже собирались выбросить его в мусор. Ясно, что эти три письма были написаны и присланы одним и тем же лицом. Первый абзац был одинаковым во всех трех, дальнейшее было различным.

Вкратце, дело было так:

В первом письме они влюбляются, женятся и всю жизнь проводят вместе в розовом домике.

Во втором варианте они просто смотрят друг на друга – и так проходит вся их жизнь. Только в старости они отдают себе отчет, что поезд ушел.

В третьем – они выходят из ресторана, проводят вместе бурную ночь и больше никогда не встречаются.

Написал их *он*. Дон-Жуан. Никакого сомнения.

Ассистентки отобрали третье, подумав, что первые два – это просто копии. Некоторые корреспонденты присылали одну и ту же историю по два-три раза. Я убедилась, что мои помощницы читали только начало писем. Только я смогла выбрать первый вариант.

Запахавшись, я влетела в ресторан. За моим столиком сидел *он*. По-прежнему красивый. Я улыбнулась и села. Он подарил мне розу (ее лепестки я храню до сих пор). Мы поговорили о жизни. Он так и не раскрыл мне тайну книги. Сказал, что взял ее в отцовской библиотеке и не обратил ни малейшего внимания на звездочку на форзаце.

– *Все рисуют звездочки, –* пояснил он, *– звездочки, сердечки, квадратики, цветочки.*

Черт побери! Не могло это быть простым совпадением... Какое разочарование! Я ожидала героического повествования, тщательного описания стратегии, разработанной для того, чтобы добыть мою книгу... Ничего подобного! Потом я подумала, что он начнет разговор о картине из ресторана и о встрече Данте с Франческой в аду, описанной в «Божественной комедии»... Не было и этого. Может быть, он еще даже не дошел до этого круга ада, а может быть, не знал, что это за мужчина и женщина на картине. Это уж я такая дура, что пытаюсь объяснить и связать всевозможные факты... Я готова была прийти к выводу, что он забавляется со мной, что все продумано, что карты судьбы он тщательно изучил и перетасовал – картина, книга, молчание... Нет. Быть может, он знаком с Николау? И с Никодемусом? Мирто тесен... Нет. Неважно, какая мне разница, мне просто хотелось видеть его, и он здесь... Так хотелось... Этой ночью мы не предавались любви, но, сев в машину, обнимались и целовались, как только могли.

Наутро Дон-Жуан звонит, просит книгу, и я подавилась пирожком, узнав, что он уже в подъезде моего дома.

– Заходи.

Я открыла дверь. Он ничего не заметил. Я задыхалась, слезы текли у меня по щекам. Тут он понял, что мне что-то не в то горло попало. Постучал мне по спине, поднял голову и руки, чтобы избавить меня от удушья. Вскоре я пришла в себя и выпила стакан воды.

– Прошло?

– Прошло.

– Теперь нормально?

– Нормально. Я уж думала, помру... Пирожком подавилась. Хочешь кусочек?

– Нет, спасибо.

- Извини, что так тебя принимаю...
- Мне не терпелось тебя увидеть.
- Хочешь соку, кофе?
- Хочу тебя.
- Не сдержавшись, он стал торопливо целовать меня.
- Хочу тебя...
- Прямо сейчас?..
- Этому бесполезно противиться, иначе будет только хуже...

Он был совершенно прав. Из кухни – прямо в спальню. Он сбросил одежду, я тоже, оставшись в одних голубых трусиках. Как покраснел его вздыбившийся член! Как приятно сжимать его рукой!.. Он нежно вошел в меня, и мы оставались в той же позиции, пока не исчерпали всех своих возможностей. Обычно я начинаю спереди, глаза в глаза... Когда он в меня входил, лицо его было необыкновенным – рот приоткрыт, веки смежены... Ни в какой другой ситуации у него не было такого выражения лица. Я вздыхаю. Ему нравилось, когда я сверху, в позе наездницы. Анданте, аллегро модерато, адский галоп... Я обожала стоять на четвереньках, когда он кусал мне затылок. Мы почти всегда кончали в этой триумфальной и в то же время животной позиции, и его зубы вонзались мне в плоть! Я ощущала себя волчицей или львицей, или самкой тапира...

Но вскоре он сказал, что ему надо уехать за границу на пару месяцев. У его отца были дела в Майами, и он частенько наезжал туда. В последнее время ездил чуть ли не каждую неделю... Но звонил мне каждый день, где бы он ни был – вот как он меня любил. Я не собиралась перебираться в Майами, но побывать там хотелось, и я взяла отпуск на радио.

- Я взяла отпуск...
- Что, устала?
- Да нет, просто хочется съездить с тобой в Майами...
- Ты же говоришь, что тебе не нравится Майами...
- Зато мне нравишься ты...
- Но мне там будет не до тебя...
- Признайся, ты там будешь не один.
- Не совсем так...
- Ну, говори!
- У меня своя жизнь.
- Я тебе тоже не чужая.

Он ничего не ответил. Не счел нужным. Я поднялась, сказала, что схожу в туалет, и вышла из ресторана в боковые двери. И не обернулась. Остановила такси и поехала домой. Когда я вошла, телефон настойчиво звонил, но я включила автоответчик... Он – Дон-Жуан, а я – не идеальная женщина. Я уменьшила громкость, чтобы не слышать, что он говорит, взяла ключ от машины и решила затаиться у подруги, которая живет в пятидесяти километрах от города, пока он не уедет.

Отпуск мой был плохо воспринят на радио, и руководство закрыло мою передачу. Я решила, что оно и к лучшему. Воспользовавшись этим, я круто изменила жизнь: переселилась в западную часть города, осветлила волосы, купила новую кровать и записалась на курсы фотографии и эстрадного танца. В том ресторане я больше не появлялась. Я изнывала от любви. Не один месяц проплакала. Больно.

Дон-Жуан разыскал меня только года через три. Увидел мое имя в журнале, где я работала, и позвонил. Ясно, что я готова была бежать к нему навстречу. Но, сама не зная отчего, сдержала порыв, и сказала, что вышла замуж... До сих пор не могу объяснить своего поступка. Чего только со мной не приключалось! И мне изменяли, и сама я изменяла, и молча страдала, и причиняла обиды, то побеждала, то терпела поражение в любовных бата-

лиях – но в случае с Дон-Жуаном я решила просто устраниваться. Поняла, что ничего у нас не получится... А о «Божественной комедии», которая вернулась в мою библиотеку, я и теперь не все знаю.

Желтая папка

Я все-таки не какая-то там сексуально озабоченная дамочка, для которой ничего в жизни нет, кроме секса. Нет – я романтичная, сентиментальная, влюбленная... Я убедилась, что миссия моя на этом свете – любить, мой немалый жизненный опыт – это прежде всего любовь, и для меня это Божие благоволение, если моя жизнь хоть чего-нибудь стоит. Я не только дочь Божия, но и внучка Ему. Когда пытаются объяснить человеческую личность средой или генетикой – это, по-моему, сказки. У меня совсем другое. Чтобы меня постичь, необходимо выяснить мое происхождение.

Когда я была девочкой, во всем доме оплавливались свечи, а мать моя вечно умывалась слезами. Она крепко обнимала меня, словно в кино, целовала и подолгу глядела в глаза, словно силясь увидеть в них глаза моего отца, которого никогда не переставала любить.

Нам обычно не всё рассказывают – везде есть семейные тайны. Ты можешь никогда не узнать того, что твои родители таят за семью замками.

Я всегда знала, что мои братья и я рождены от разных отцов. Мама рассказывала, что мой отец – не такой, как все... Он просто ангел. В моем свидетельстве о рождении вместо имени отца – ангельские письмена: черточка, крестик, черточка, крестик, черточка.

* * *

Как и все исполины, я была выношена всего за три месяца. Так, во всяком случае, говорила мне мать, и не только мне, а и тем, кто осмеливался спрашивать, кто отец этой девочки...

«Ангелы имеют пол, и тот, кого я любила, был более мужчиной, чем кто-нибудь другой... Исполины – это дети ангелов и земных женщин, потому и беременность длится недолго... Сподобил их Бог такого дара... Библия повествует об исполинах...»

Злые языки рассказывали, что мама так туго стягивала живот, что умудрялась скрывать беременность до шести месяцев. Будь они прокляты, эти злые языки! И пусть никто не подумает, что я говорю об этом, чтобы оправдать распутство. Такова моя история – истинная или нет. Мой отец – ангел.

Я много размышляла об исполинах. Читала книги, смотрела фильмы, расспрашивала священников, пасторов, даже с кардиналом побеседовала. На самом деле никто ничего толком не знал о гигантах, которые населяли Землю до потопа и развратили ее. *«Тогда сыны Божии увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их себе в жены, какую кто избрал».* Хитрецы пленились красавицами, а тем понравились ангелы, от которых они произвели новое племя – исполинов. Чувственных, настойчивых, могучих. Они были плодами любви сынов Неба и земных красавиц.

Я выше матери, до гиганта мне далеко. У меня, правда, гигантская храбрость и сексуальный аппетит. Может быть... Я пришла к выводу, что мать и не догадывалась, что значит жить с исполином под одной крышей, но у нее на все был готов ответ, и она говорила, что я просто очень развитая, утонченная... В общем, вешала лапшу на уши. И лишь когда подруги стали обзывать меня лгуньей, мама сообщила, что отец погиб в результате несчастного случая незадолго до моего рождения. Он был ангелом – вот Бог и призвал его к Себе. Я его не знала, но мне были известны малейшие подробности их короткого и безумного романа. Лакомый кусочек для романтиков, психологов... Даже теологи заинтересовались бы.

Мама была такая красивая! У меня уже было двое сводных братьев, когда муж променял ее на секретаршу только из-за того, что она терпеть не могла анального секса. Это был конец! Мама плакала, не притрагивалась к еде, но через пару недель после того, как они расстались, возблагодарила Господа за то, что Он избавил ее от этого изменника и сексуального маньяка. Он чуть ли не сто раз пытался вернуться, просил прощения, умолял, присылал цветы, подарил кольцо, уверял, что будет заниматься только традиционным сексом... Но она не захотела – сказала, что *«сердце у нее затворено и сама она как мрамор холодна»*. Это я вскоре прочла в ее неотправленном письме к отцу, которое обнаружила вместе с другими письмами и с записной книжкой в желтой папке, лежавшей на шкафу, под чемоданом, набитым зимними вещами. Мне страшно хотелось проникнуть в интимные тайны матери, которую я пыталась представить, глядя на нее. Воображала ее сны, которые она записывала под утро... Ей не нравилось, что я смотрю на нее *так*. *Так* — это когда я вспоминала желтую папку. Я и теперь помню кое-что на память...

«Мне так недоставало любви – и когда ты притронулся ко мне, я была словно в лихорадке... Ты обнял и поцеловал меня, и твои руки скользили... по груди, животу и промежности...»

Когда я нашла папку, то глазам своим не поверила. Мать пишет о *груди, животе и промежности*... *Грудь и живот* — еще куда ни шло, но *промежность*... Я бы такого и произвести не посмела – это слово было запретным для меня... *Промежность*... Я многое узнала. О матери и об отце. Об их отношениях.

Все началось в кино. Лил дождь, и вся округа осталась без света. Фильм прервался в самом конце. У матери был карманный фонарик, который помог ей найти дорогу к выходу в зрительном зале, погруженном в темноту.

«Огромный зал казался пустым, я прошла его почти весь при слабом свете фонарика. И вот во мраке появился он. Я видела его каждый раз, когда показывали новый фильм... Мы еще не познакомились, но часто виделись, переглядывались... Потом стали здороваться, а еще через некоторое время у входа в кино начали обсуждать просмотренные фильмы... Он брал меня за руки, когда разговаривал со мной. Вне кинотеатра мы встречались только в мечтах. В тот день ты пришел, твердо решил противостоять гневу богов. Впервые мы оказались вдвоем в огромном кинозале! Он взял меня за руку. Мы пытались угадать, чем кончится фильм, и я ни с того ни с сего разревелась. С чего бы мне было плакать в день нашей первой романтической встречи? Виной, наверное, было полнолуние, а оплакивала я любую несчастную, неразделенную любовь».

Это было только начало...

«Мы вышли из кино и долго бродили в обнимку по старинному центру города».

Каждую среду – новый фильм о любви. Они встречались по средам.

«Какова наша судьба? Вопросы и ответы роились у меня в голове... Неспешная и все же несчастная любовь... Мы с тобой вздыхали и сами не знали, почему. Мне кажется, что я знаю тебя давным-давно и что когда-нибудь мы будем вместе...»

В письме сказано, что они уехали на Карибы. Хотя не исключено, что это просто название какой-нибудь гостиницы, мотеля, пансиона...

«...и поехали мы на Карибы. Нам хотелось кричать от радости! Он меня любил, как никогда ни один мужчина... Мы провели ночь, открывая для себя целый мир в каждом новом ощущении... Глаза открыты, смотрим друг другу в глаза, не отрываясь – и никого, только мы вдвоем. Мой ангел и я. Ты и я... Любовь».

Такое бывает только раз в жизни.

«...я разделась, а ты сказал, что такой меня себе и представлял... Трусики мои спустились до колен и не давали раздвинуть как следует ноги. Я принялась стаскивать их пятками. Он целовал меня всю, его крепкие пальцы прикасались к моим потаенным местам, и это пробуждало во мне желание... Он погрузился взглядом в мои глаза и вошел в меня... Мы отдавались друг другу со страстью, на которую способны только боги. Нам были подвластны планеты... Движения рассчитаны. Единение. Оргазм... Одно мгновение которого стоило целой вечности без любви...»

Все эти записи она хранила в желтой папке. Моя мать!

Одна подробность: говоря о любимом, она упоминает его то во втором, то в третьем лице, *ты* и *он*. Это в обоих случаях мой отец. Мужчина и ангел.

Долго я представляла себе эту жаркую ночь, неповторимую любовь, какую мало кому выпало счастье изведать...

«Больше никогда! Как такое может быть, Боже мой?! Неужели моя любовь могла так закончиться?.. Как Бог мог такое допустить? Разве так поступают с людьми? Неужели я больше не увижу его глаз, его лица, не почувствую его руки в своей руке, не услышу его слов, его долгих бесед? Прошла среда – и больше я тебя не увижу».

Для такого фильма о любви явно недостаточно кинотеатра. Самое невероятное, что герои на этом не остановились – они продолжали встречаться в маминых сновидениях. Некоторые они записала в полусне и темноте, о чем свидетельствует сбивчивый почерк. Другие она записывала, уже пробудившись: разборчивый почерк, абзацы, скобки, датировка с указанием времени суток, размышления, соотнесение с фактами повседневной жизни. Эротика, страхи, наслаждения, чувство вины и прощения – и откровенные, яркие описания того, что они пережили между небом и землей.

«Я проснулась счастливая и мокрая, мне приснился мой ангел... Был праздник на одной фазенде. Я вышла из дома, загляделась на звезды – и вот появляется он и говорит, что пчелы придумали новый способ делать мед. Послышались чьи-то шаги, и мы спрятались в каком-то стойле. Поблизости раздавались голоса, их было все больше и больше, как будто все празднующие устремились к нам... Разговаривали они очень громко, а мы оказались в полной темноте и всё делали молча, ощупью и наугад... Он задрал мне юбку, спустил с меня трусики (точь-в-точь как во сне про самолет) и вонзил в меня свой прославленный меч. Во всех снах я физически ощущаю, как он входит в меня...»

Тут записано множество снов, я упомянула лишь некоторые... Невероятно! После отца у матери не было других мужчин. Правда, были претенденты, но она никем не интересовалась. Говорила, что уже познала настоящую любовь, и сновидения, пожалуй, больше услаждают ее, чем обычная плотская близость с простым смертным. Из ее записей видно, что возбуждалась она не только во сне, ее плоть была все еще не чужда желаний: она упоминает

несколько мужчин, которые привлекли ее внимание. Но она твердо решила, что не будет больше ничьей, и ее плотские вожделения тут же рассеивались и вознаграждались лишь тогда, когда ее голова оказывалась на подушке.

Было бы жаль, если бы Бога не было.

От отца я унаследовала глаза и стремление к вечной и порабощающей любви. И все время я ощущаю эту запредельную любовь. Вот почему я такая, и оправдываться мне ни к чему.

Пробуждение

Я никогда не могу восстановить хронологической последовательности моих романов. Пыталась, но всякий раз останавливалась на полпути. Впрочем, начать, наверное, нужно с описания внутриматочных ощущений, но даже исполинам не под силу перенестись в столь отдаленное прошлое. И думать, что весь мир возник от соития... Все появилось из-за соития отца и матери: и собаки, и кошки, и комары – всё по той же причине.

Из детских воспоминаний мне смутно помнится несколько эпизодов с братьями и сестрами, родными и двоюродными, когда нам пришла пора задумываться, чем мальчики отличаются от девочек... Ничего особенного – всё по-детски наивно. Теперь-то я понимаю, чего мне тогда хотелось – особенно после того, как обнаружила мамину желтую папку. Начинала я чуть ли не как лесбиянка. Наверное, не только я – все девочки целовались друг с другом, это нормально. Целовалась и я с четырьмя девочками с нашей улицы. Первой была Фернанда. Мальчики с их мячиками да солдатиками были мне не нужны – меня влекли другие игры... Фернанда мне уступила. Давай, говорю, вообразим какого-нибудь артиста из кино. Так она и сделала. А мне хотелось кого-нибудь более близкого и ощутимого... И я втайне выбрала отца соседского мальчика Даниэла. Пять лет подряд я представляла, как сплетаются наши языки. Потом купила учебник гипноза и приступила к активным действиям. Он был зубным врачом, его клиника располагалась на ближайшем углу.

Пятница. Вечер. Я дождалась, пока уйдет медсестра, и вошла. Меня всю колотило. Все зубы у меня успели смениться, но один молочный – правый верхний клык – никак не мог выпасть.

- Никак зуб не выпадает... А другой криво растет.
- Не надо спешить – выпадет.
- Лучше его вырвать...
- Ну, давай назначим время. Попроси маму завтра позвонить.
- А сейчас нельзя?
- Сестра уже ушла.
- Этот зуб мне мешает. Вы хоть посмотрите...

Он улыбнулся. Я с готовностью уселась в кресло и разинула рот.

- Прекрасные зубки. А с клыком ничего страшного.

Я знала, что кажусь ему хорошенькой... У меня уже выросли маленькие, но вполне заметные груди. На мне была облегающая белая водолазка и коротенькая юбочка, из-под которой, когда я садилась, должны были виднеться трусики. Он засунул два пальца мне в рот... Я закатила глаза и принялась сосать крепкие пальцы этого мужчины в белом халате. Вспомнив книжку по гипнозу, я пыталась внушить ему, чтобы он полез мне в рот не пальцами, а языком.

- Поцелуйте меня. Поцелуйте меня.

Мне и говорить не нужно было – все было видно по глазам. Он, конечно, целовался не так, как девочки. Я унеслась в космос со скоростью света и, когда долетела до Плутона, почувствовала, что разум у него отключился... Черт возьми! Он оттолкнул меня.

- Девочка, уходи.
- Не уйду...
- Уйди, Христа ради! Видишь, распятие над дверью? Уйди отсюда!

Я снова попыталась загипнотизировать его, но не так, как сказано в учебнике: закатила глаза, раздвинула ноги. Ничто на него не действовало. Он говорил без умолку:

- Зачем ты это делаешь? Я же серьезный человек! Слезай с кресла и иди домой...
- Но почему?

– Потому что ты еще ребенок, черт тебя дери!!!
– Я уже не ребенок.
– Вот я с твоей матерью поговорю!
– А я ей скажу, что вы ко мне приставали.
– Черт возьми! Сгинь с глаз моих!!!
– Тогда поцелуй меня.
– Никогда!
– Тогда не уйду.
– Ну, это уже ни в какие ворота не лезет! Я тебя с лестницы спущу!
– Я люблю тебя.
– Чушь!
– Я давно тебя люблю.
– Перестань, девочка. Ты и не знаешь, что такое любовь.
– Я-то знаю! А ты-то знаешь, доктор Паулу? Знаешь, что такое любовь? Можешь объяснить, что такое любовь? Раз не можешь, то хоть почувствуй и расслабься... Что такое любовь?

Когда глазами ничего не добиться, учебник предписывает использовать слуховое восприятие, повторяя фразу, на которой основана ситуация. Но и это не помогло: расслабиться он не хотел.

– У меня сын твоих лет!
– Я на два года его старше.
– Найди себе ровню.
– Они все придурки.
– Не верю! Слушай, ты красивая девочка, просто прелесть! Но у нас с тобой ничего быть не может, поэтому прошу тебя, уходи. Пожалуйста!

Он казался таким искренним... Сказал, что я красивая! И просто прелесть! Я решила больше его не гипнотизировать, а тоже быть искренней и одержать победу в честной борьбе. И довольствоваться хоть чем-нибудь... Я смиренно спросила:

– Можно, я пососу твой палец? Больше мне ничего не надо... Тогда уйду.

Моя искренность восторжествовала. Наконец он сдался. Сунул мне палец в рот, и я стала сосать. Сначала указательный, потом средний, потом безымянный... Радость победы была куда большей, чем удовольствие от сосания, и я ликовала, что добилась победы собственными силами. Я же красивая! Просто прелесть! А книжка про гипноз – просто дерьмо. Я положила на интуицию, он не выдержал и сдался.

– Ой, девочка... – прошептал он, полез ко мне в трусы и влажными от моей слюны пальцами принялся ласкать мне киску, поросшую реденькими волосками.

– Я только посмотрю на тебя... девочка...

Он направил яркий свет на мои белые трусики, и бантик на них заиграл всеми цветами радуги...

Дебют!

В школе я влюблялась в лучших парней. Это были Нету, Клаудиу, Николау... Меня воодушевляло все: фильмы, книги, картины, статуи, весна, лето, журналы, грибы, спаржа, шоколад, мороженое, йогурт, птичка, бабочка, вьюнок, папоротник, спортсмены, поэты, подруги, мамина желтая папка, банкомат, гороскоп из газеты... Сердце мое радостно колотилось, и мне страшно хотелось целоваться в губы.

Я зашла к Николау, в которого влюбилась, но не застала его. Дома был его брат, на два года моложе и в три раза недоступнее. Спрашиваю, можно ли войти и подождать.

Мы уселись смотреть какой-то матч по телевизору... Брата звали Никодемус. Он не сводил глаз с экрана, а я с него. Сначала я пристально изучала его черты. Братья похожи, но не очень. Губы, глаза, голос – одно к одному. Тут я подумала об их отце – не то что с вожделением, скорее с уважением. Так и хотелось преклонить колени и возблагодарить Бога за то, что есть такой мужчина, который к тому же произвел двух таких интересных сыновей. Я же не виновата, что они братья.

Я сняла блузку. Наконец-то он взглянул на меня и разинул рот.

– Не знаю, что на меня нашло...

– Да просто жарко.

– Да не в том дело, что жарко. Просто захотелось. Извини.

– Тебе не за что извиняться, все в порядке. А будет за что, так я всегда тебя прощу.

Мне очень понравилось...

– Не надо было мне заходить.

– Но мы с тобой вдвоем, и кое-что случилось...

– Вот это да!

– Мне так хочется тебя потрогать...

– Ты посмотри, что у тебя в штанах!

– А что там, по-твоему?

– Надо бы мне уйти, да сердце велит остаться...

Я приблизилась, и он стал тискать мне грудь. Я пылко его поцеловала, не ощущая себя Франческой, которая целовалась с Паоло, своим деверем.

– А как же мой брат?

– Я ничья...

– Ты с ума сошла!

– Не сошла... Сделай что-нибудь...

– Не надо бы, но очень хочется.

– И мне хочется.

– Тише!

– А что такое?

– Бабушка спит.

– А если проснется?

– А если придут Николау с папой?

– Матч еще не кончился.

– Два – ноль!

– Я хочу...

– У тебя это уже было?

– Много раз.

Я солгала. Это было впервые. На диване и у меня на юбке остались кровавые пятна. Он это заметил, но все равно входил в меня все глубже.

- Неправда... у тебя это в первый раз... я знаю.
- Да... неправда.
- Мне так хотелось!
- I love you!
- Что ты говоришь?!
- Гол!

Значит, он был у меня первым. Ему так хотелось быть безупречным, незабываемым... Многие женщины с сожалением вспоминают свой первый опыт... А мне жаловаться не на что. Все было очень здорово, хотя все делалось второпях. Душа моя изнывала от блаженства. Мне хотелось, чтобы Никодемус весь вошел в меня. Я предложила еще раз.

- Ой!
- Тебе больно?
- Да... давай еще...
- Я так не могу.
- Пенальти!
- Ох, как хорошо...
- Гол!

Сан-Паулу – чемпион. От криков бабушка проснулась. А мы, полуголые, растянулись на синем ковре. Бабушка закричала:

– Вот бесстыжие! Все отцу расскажу! Что это за девчонка? Она к твоему брату пришла, бесстыдник! А ты, потаскуха, пошла вон из моего дома!

- Да что тут такого...
- Замолчи и убирайся прочь!

Так я и сделала. Пулей вылетела. Бежала я, бежала... и плакала от радости! Вспомнилось мне кровавое пятно на диване... Чемпион! А я больше не девственница!!! Как будто я переместилась в иную атмосферу, в другое измерение. А он чемпион!!! Теперь все другое – воздух, краски, звуки, мое тело... Какое счастье!

Николау об этом не узнал. Я убежала. Он настаивал, долго искал меня... Я все-таки была близка с ним – по глупости – но думала только о Никодемусе... В конце концов я призналась, что люблю другого – и больше у нас ничего не было. Он отступился. Мне хотелось быть с его братом.

Я вздыхаю.

Несчастный случай

Любовь, страсть, несчастный случай – все давно перемешалось в голове. Любовь может обернуться несчастным случаем, страсть может превратиться в любовь... В конце концов, я и сама не знаю, что есть что, но уверена, что история с Матиасом – поистине несчастный случай. Диву даюсь, как отложились в памяти все подробности, вплоть до малейшей.

Пять минут восьмого. Школа моя недалеко от дома, я туда ходила не торопясь и почти всегда опаздывала. Моим попутчиком все время оказывался мальчик в кепке – точный, как часы.

Какой-то красавчик типа Шона Коннери катил на черной машине и пялился на меня. Он чуть не сбил женщину с ребенком на руках. Прошло несколько минут – опять он. Я застеснялась, взглянула на часы, притороченные к моему хрупкому, как у Золушки, запястью, ускорила шаг, понурила голову и поровнялась с мальчиком. Перед тем как перейти улицу, оборачиваюсь и убеждаюсь, что между мужчиной в строгом костюме и толстухой в косынке проезжает черная машина, заворачивает за угол... приближается... Мальчик уже далеко – только кепка с черно-белой эмблемой виднеется. Шагаю, будто солдат – глядя только вперед, но боковым зрением различаю черную машину, которая движется практически с той же скоростью, что мои подкашивающиеся ноги. Я подумываю, не произвести ли поворот кругом и не понестись ли стремглав в противоположном направлении, но он наконец обгоняет меня – и вот он уменьшается, уменьшается, потом превращается в точку и пропадает из виду.

На другой день – все то же самое. Почти то же самое... На мальчишке была та же выцветшая кепка, а Шон Коннери три раза проезжал на своей машине.

Это повторилось и на другой, и на третий день... В пятницу машина остановилась. Так уж вышло, что я опаздывала больше, чем обычно, и с мальчиком не пересеклась.

Стекло в машине опускается, и красавчик в темных очках машет мне рукой.

– Куда идешь?

– Я-то? В школу.

Голос у него грубее, чем у дяди Маркуса.

– Я тебя подвезу. Хочу с тобой познакомиться...

– Да я не знаю...

– Доверься мне.

– Не знаю...

Он открывает дверцу. Я снимаю ранец со спины и неумело протискиваюсь, а по спине у меня холодок... Он трогается, я кладу ногу на ногу, придерживаю руками ранец и ни о чем не думаю...

– А ты хорошенькая.

Только тогда я решилась на него взглянуть. Глаз его было не видно под очками.

– Как тебя зовут?

– Анжела.

Мне бы хотелось, чтобы меня звали Елена, или Элизабет с *th* на конце, или Лусилла с двумя *l*. Он подумал, что я соврала.

– Анжела... Давай вместе позавтракаем!

– Позавтракаем?!

– Ну да...

– Я уже завтракала, спасибо. Первый поворот налево... У меня экзамен.

– По какому предмету?

– По географии. Теперь направо...

Он замолчал и точно следовал моим односложным указаниям. Нажал на какую-то кнопку – и загорелись голубые огоньки, машина погрузилась в чарующую музыку... Я бы могла услышать столько музыки, увидеть столько прекрасного, а потом выйти за него замуж и поселиться в красивом белом особняке... Могла бы даже стать кинозвездой и украшать собой журнальные обложки... Шон Коннери женится на молодой красивой бразильянке...

Машина тормозит. Красный свет.

– К экзамену-то хорошо подготовилась?

Он, кажется, понял, что я наврала про экзамен. Ясновидящий, что ли?

– Плохо, очень плохо.

– Ничего не знаешь?

– Ничего. А завтракаю я дома.

Зеленый свет. Машина трогается.

– Завтра добуду тебе справку. Покажешь в школе и объяснишь, что у тебя было пищевое отравление или что-нибудь такое. Ну, так как?

Я не ответила. Этот мужчина испугал меня, парализовал мою волю. От школы мы были уже далеко. Красавчик понял, что дело в шляпе, и затормозил у входа в гостиницу.

– Что, пойдем в гостиницу?! Я тут всегда останавливаюсь. Здесь превосходная кухня, тебе понравится... Анжела! Ты действительно очень красивая.

Швейцар в серой шляпе ловким движением открывает дверцу, и я понимаю, что пора вылезать из машины. Красавчик тоже выходит. Наконец он снимает темные очки. Оказывается, он вовсе не похож на Шона Коннери и гораздо старше, чем казался вначале, хотя у него не было ни сединок.

Должно быть, он постарше дяди Маркуса, решила я. Мне захотелось дать стрекача, влезть в какой-нибудь автобус, в метро, хоть в вертолет и убраться куда подальше... Домой не тянуло. Можно было все же пойти в школу – я ведь опоздала только на первый урок! Но как же завтрак? Ни разу в жизни я не завтракала в гостинице наедине с мужчиной! Весь мой план побега мгновенно улетучился. Смешно было бы отказываться... А я даже не знала, как его зовут!!!

Словно угадав мои мысли, он задает вопрос:

– Ты не хочешь спросить, как меня зовут?

Да, действительно ясновидящий. Я решила больше ни о чем не думать.

– Сиру. Доктор Сиру Аугусту Моретти. Адвокат.

– Доктор Сиру...

– Для тебя просто Сиру.

Он был примерно моего роста. Если бы я надела свои черные босоножки на высоком каблуке, то оказалась бы выше его. Моретти, Сидни Шелдон, «Гнев ангелов», Мишель Моретти.

Мы вошли с лифт с зеркальными стенками, и я возненавидела свои линялые джинсы и кофточку с синими звездочками на воротничке и на манжетах. Детская одежда – изыщества ни на грош...

Лифтер был в такой же серой шляпе, как и швейцар.

– Тринадцатый.

Лифт поднимается. Я опускаю голову. Коврик под ногами цвета морской волны с серыми буквами ОКП. Догадываюсь, что О – это отель, П – Палас, а К – скорее всего, королевский...

Тринадцатый этаж. Лифт останавливается, дверца открывается. Мы выходим и попадаем в широкий коридор с множеством пронумерованных дверей. Когда красавчик Сиру вставляет ключ в замок сто двадцать девятого номера, сердце у меня уходит в пятки... Он

отворил дверь. Я вошла первой. Он просто хотел меня трахнуть – ясное дело – это я была ему на завтрак... На правой руке у него красовался перстень, обручального кольца на левой не было, но наверняка у него жена и дети, а может быть, и внуки... Трое внуков. Одному девять, другому семь, третьему пять лет – вот какие внуки.

Я внимательно осмотрела номер. Все меня смущало, особенно гигантских размеров кровать. Никогда я не лежала на такой кровати, хотя уже перебивала с разными парнями в разных местах. На улице, в гараже, в комнате, в машине... В машине у парня по имени Нету, с которым переспала накануне – несколько часов назад – в его холостяцкой койке, на простыне с желтыми цветочками, никак не сочетавшейся ни с полосатой наволочкой, ни с клетчатым покрывалом, от которого тянуло чихать. Он походил на греческого бога, но вкусом не отличался. Был неловок, плохо одевался и обувался, волосы у него были вечно взъерошены, и смеялся он как-то странно...

Вижу в зеркале, что красавчик снимает рубашку... Вся грудь волосатая. Спина тоже! У Нету грудь безволосая, чистая, волосы только ниже пупка. И нет такого живота. На несколько мгновений мне показалось, что Нету – это единственная, большая и последняя любовь в моей жизни. Мне были дороги все его недостатки, я готова была тут же выйти за него замуж. Почему его здесь нет?!

Красавчик снял ранец у меня с плеч и протянул меню с теми же инициалами, что на коврике в лифте.

– Выбирай, дорогуша. Потом я отвезу тебя домой. Расслабься – я не сделаю ничего, что было бы тебе неприятно, так что не беспокойся... У тебя губки – словно клубничка, до чего поцеловать охота... Но я не буду. Обещаю. Ты шампанское когда-нибудь пила?

– Да, конечно. На Рождество.

Он улыбнулся, набрал по телефону номер два, и через пять минут позвонили в дверь. Шампанское. Красавчик сунув в руку рассыльному бумажку в пятьдесят реалов.

Все-таки он был довольно мил, и я скоро примирилась с его волосатостью. В нем оказалось мало от знаменитого актера, но довольно много от благородного разбойника. Это прибавило адреналина.

– За твою красоту как не выпить! А имя у тебя – как песня...

Он с хлопком откупорил шампанское, а я силилась понять, почему имя у меня как песня.

– За твою красоту!

Пузырьки приятно щекотали мне небо.

Красавчик снял ботинки, разлегся на кровати и подозвал меня, точно кошку.

– Кис, кис, кис... Поди сюда, присядь...

Я выпила еще глоток и села подле своего ухажера. Он принялся ласкать мне волосы... Я не сопротивлялась, и он стал гладить мне плечи и спину... Потом резко остановился, чтобы вновь наполнить бокалы.

– А теперь за что выпьем?

– За то, что ты красивая. Не беспокойся – я же не говорил, что хочу с тобой переспать... Просто пригласил тебя позавтракать, ты согласилась – только и всего... На завтрак у нас шампанское. Если хочешь чего-нибудь еще...

– Мне совсем не хочется есть.

– Мне тоже. Я сыт тем, что смотрю на тебя. За твою цветущую красоту, за твой шарм, за твои прекрасные бедра... Если бы даже я их не разглядел, достаточно их представить, чтобы оказаться на седьмом небе от блаженства!!! Ну, выпьем!

Я засмеялась. Мне хотелось раздеться догола и побыть в одиночестве в этом прохладном номере. Хотелось попрыгать на кровати!.. Но здесь был красавчик, бесцеремонно тис-

кавший мои груди. Голова шла кругом, и я ощущала, как холодок, пробежавший по спине, достигал сосков, когда к ним прикасались чужие, волосатые руки...

– Тебе нравится?

– Не знаю...

– Лучше снять кофточку и лифчик... Можно?

Я промолчала, но поскольку он читал мои мысли, то именно это и сделал.

– Красивая грудь...

Он стал целовать мне соски, я застонала – и тут все пошло-поехало. Я сама расстегнула и сняла джинсы. Все плыло перед глазами. Хотелось еще шампанского, от которого душа у меня воспаряла, а тело требовало ласк... Я выпила еще бокал и увидела себя в зеркале в одних трусиках. Эти трусики раньше носила Сильвия, моя двоюродная сестра... У меня какая-то мания – носить чужие трусики.

Я заметила, что то, что у него в штанах, сильно увеличилось в объеме... Он снял брюки и трусы – видно было, что он сильно возбужден. Петушок у него был меньше, чем у Давида, но больше, чем у Никодемуса. Он набросился на меня, как медведь, и больше не называл красивой, а красоткой, милашкой... Мне больше нравилось, когда он называл меня красивой – по крайней мере, я чувствовала себя непринужденнее... Он легонько покусывал внутреннюю поверхность моих бедер, потом полизал киску, от которой, должно быть, еще пахло зеленым мылом. Я терпеть не могла это мыло, но мама все равно его покупала.

Я сжала его голову своими крепкими ляжками, потом широко раздвинула ноги... Он скользил языком по всем стенкам, выпуклостям и впадинам и после обхватил мою задницу и сказал: «Розовая попка». Я и сама знала, что она розовая – в зеркале видела. Я зажмурилась и стала думать обо всех мужчинах земного шара – от Силвиу Сантуса до мальчика в кепке... Передо мной проносились футболисты, политики, пловцы и те, кого я видала по телевизору, но ничего о них не знала... Самые красивые и самые неказистые... Остановилась на Майке Тайсоне. О Нету не вспомнила ни разу – как и о медведе, который меня сосал. Вдруг он останавливается, обхватывает руками мне голову – и я понимаю, что сейчас начнется самое главное. Я пыталась представить члены знаменитых и ничем не примечательных мужчин, но ничего не получалось – и принялась сосать тот, что передо мной, без особого воодушевления. Он не обиделся.

– Хочешь, я тебя еще немножечко полижу, мой ангел?

Я молча легла и раздвинула ноги. Он все начал сызнова. На сей раз мне захотелось посмотреть, как он это делает... Тут он остановился и, натянув презерватив, вошел в меня. При каждом толчке он стонал: «М-м-м!», а я вскрикивала: «Ой!»

Несколько раз он пытается поцеловать меня в губы, но я уклоняюсь. Член у него становится все агрессивнее, и мне хочется одного – чтобы все поскорее кончилось... Волосатые руки, грубый голос, яростные толчки... Злой он... Словно исполняет какой-то мрачный обряд!

– Все хорошо, но я больше не выдержу, хватит...

– Выдержишь, милашка... Сама увидишь, что выдержишь!

– Хватит... пожалуйста...

– Я сейчас кончу, не беспокойся, я все сделаю как надо...

– Хватит!!!

Он не останавливается, действует еще яростнее... Я чуть жива... Думаю о набивном бикини, которое как-то видела на витрине. Хочется закурить «Мальборо»... или хотя бы «Кэмел», если «Мальборо» не найдется. Я курю вообще-то мало – только когда нервничаю или стесняюсь. И только. А теперь я и нервничаю, и стесняюсь – поэтому выкурила бы сразу две сигареты... Когда я меньше всего ожидаю, он обхватывает меня за талию и рычит, точно старый медведь. Я с облегчением подумала, что он кончил. Ощутила на себе гораздо

бульшую тяжесть, чем ранец, который каждый день давил мне на спину. Наконец-то мне удалось отвлечься от всех мыслей.

– Ты не кончила.

– Как это?!

– Ложись, мой ангел...

Он наклоняет мне голову, ласкает спину и проводит языком по «розовой попке». Я не противлюсь. Никто прежде этого не делал, даже Нету: он однажды сунул туда палец, я рассердилась, и больше он не пытался... я подумала о маме, вспомнила один из записанных ею снов – чуть ли не самый пикантный, где она повествует, как испытала одно из ярчайших наслаждений...

«...у меня захватывает дух, стоит только вспомнить тебя, мой ангел тьмы, как ты сжимаешь мне бедра и все ускоряешь движения... С каждым толчком звезда падала с неба, и мне хотелось еще, еще, еще... Я умоляла, чтобы ты вошел сзади...»

Но мать мечтала сделать это с отцом, который совсем не походил на этого медведя. Шампанское ударило в голову, но мне хватило смелости уйти, и я резко встала, взглянув на часы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.